

2. Лекторский, В. А. Субъект. Объект. Познание / В.А. Лекторский. – М. : Наука, 1980. – 357 с.

3. Салистра, И.Д. Очерки методов обучения иностранным языкам / И.Д. Салистра ; М.: Высшая школа, 1976. – 252 с.

4. Бутакова, С.М. Организация оценочной деятельности студентов как условие формирования их познавательной мотивации: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. / С.М. Бутакова. – Красноярск, 2006. – 246 с.

ГАРБАЛЕВ А.Н.

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина (Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОМПЕНСАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

На вопрос о пределах понятия «vagueness» (неопределенность, неточность, расплывчатость) философия, когнитивная психология и лингвистическая семантика дают разные ответы. С точки зрения философии «vagueness» представляется эпистемическим явлением, вызванным неточностью или отсутствием знания (работы Р. Соренсена, Т. Вильямсона) [1, 2]. С точки зрения логики «vagueness» это, прежде всего, свойство многих концептов или логических предикатов, не обладающих границами и не поддающихся разрешению в терминах классической логики (работы Дж. Лакова, К. Файна, Г. Кемпа) [3, 4, 5]. С точки зрения когнитивной психологии интерпретация «vagueness» связана с решением проблемы норм / стандартов подобия, которые лежат в основе нашей способности мыслить категориями (работы Б. Парти, Дж. Хемптона) [6, 7]. Интерпретация явления «vagueness» с позиций лингвистической семантики представлена работами С. Соамса, Д. Фары, С. Шапиро, К. Кенеди [8, 9, 10, 11]. Опираясь на эти работы можно утверждать, что в языке существуют целые классы слов, частей речи и грамматических конструкций, которые специализируются на передаче «vagueness».

Уклончивость, расплывчатость и неопределенность языка, объединенные английским термином «vagueness» не является однако препятствием для эффективного общения. Происходит это в силу целого ряда причин. Во-первых, «vagueness» оказывается гораздо более ограниченным явлением в языке, чем мы это себе полагаем (Д. Льюис) [12]. Во-вторых, лексическая неопределенность (неопределенность значений слов) в действительности является предпосылкой к любому успешному акту общения Ван Димтер К. [13]. И, наконец, в-третьих, существуют семантические и прагматические

механизмы компенсации «vagueness», которые носят контекстуальную природу и основываются на имманентных чертах дискурса. Рассмотрим данные аргументы в порядке их следования.

Прежде всего «vagueness» с позиций логики является неотъемлемым свойством многих понятий (концептов), выраженных лексически. Другими словами, многие концепты сами по своей природе являются не четко очерченными, расплывчатыми. Это касается не только качественных прилагательных, которые могут иметь степени сравнения: yellow, green, bald, strong, young, clever, tall, etc., но и целого ряда существительных, таких как: heat, pile, а также глаголов walk, swim, fly, run, квантификаторов: many, few, little, a number of, much, a great deal of, наречий: clearly, quickly, slowly, amazingly, модификаторов: completely, a bit, somewhat, quite, very. Даже имена собственные, например географические названия, могут являть собой пример «vagueness»: Я живу в Москве – значит ли это, что я живу в центре, в одном из районов Москвы, на окраине, за МКАД, в предместьях?

Возникает закономерный вопрос – является ли весь язык как лингвистический инструментарий «vague» неточным, неопределенным или это свойство лишь его части, определенных областей. Отвечая на этот вопрос, В. Рассел утверждает, что в языке есть слова (концепты) с четко очерченным, точным, однозначным значением (смыслом) – например not, and, or, none, all [14]. Однако здесь же он отмечает, что в дискурсе и эти слова начинают приобретать расплывчатость и недетерминированность значений. Так, например, значения слов true и false во многом зависят от понимания условий допусков (truth conditions), которые позволяют говорящим оценивать многие высказывания как правдивые или ложные. Аргумент Д. Льюиса в пользу того, что могут существовать области языка лишённые «vagueness», например метаязык математики, где все явления описываются в точных и недвусмысленных терминах, представляется нам не до конца убедительным, поскольку и в этом подъязыке существуют области неопределенности [12].

Х. Гайфман в своей работе «Vagueness, tolerance and contextual logic» различает два явления, связанных с понятием «vagueness» – толерантность (tolerance) и пограничная неопределенность «borderline vagueness» – оба они касаются логических предикатов [15]. Под толерантностью он понимает нечувствительность предикатов к относительно небольшим изменениям в объектах (предметах, которые ими обозначаются). Так, ребенок остается ребенком и по прошествии часа, и по прошествии двух дней (но, например, не по прошествии 10 лет); пешая прогулка остается пешей прогулкой, если

к километру – двум добавляется 100 или 200 метров, но не 20 или 40 километров. С другой стороны, даже небольшие изменения приводят в конечном итоге к достижению качественно иного состояния предиката, когда он приходит к своему отрицанию или же просто перестает существовать. Тем самым постулируется существование пограничных случаев – пограничной неопределенности (*borderline vagueness*) когда неясно, следует ли данный объект / предмет обозначить этим предикатом или его противоположностью / отсутствием (не ребенок, не прогулка). Такие случаи могут быть классифицированы как случаи семантической неопределенности (недетерминированности). «Vagueness» как понятие тем самым сводится с точки зрения Х. Гайфмана к существованию таких пограничных случаев. Для него, собственно, это и есть «vagueness» *per se*.

Толерантность в отличие от пограничных случаев или собственно «vagueness» оказывается чисто контекстуальным явлением. Суть ее сводится к тому, что маленькие, несущественные отличия в предикатах игнорируются. И это не пренебрежение деталями (их игнорирование), а правило контекста. В свою очередь случаи пограничной неопределенности представляют собой не просто случаи семантической неопределенности, а признание со стороны говорящих (разделяемое участниками общения) того, что определенные расхождения в употреблении логических предикатов естественны, закономерны и ожидаемы. Другими словами, пограничные случаи представляют собой гибкий механизм контекстуальной интерпретации лексических единиц в контексте.

Приходя к таким выводам, С. Шапиро объединяет идеи Х. Кемпа с концепцией Ф. Вайсмана об открытой текстуре (*open texture*) [16]. С. Шапиро полагает, что говорящие сами определяют правдивость пропозиций, лежащих в основе «borderline cases» – пограничных случаев, поскольку последние напрямую зависят от их субъективной оценки говорящим. Они правдивы в той мере, в какой говорящие сами полагают их правдивыми. Другими словами, если собеседник принимает трактовку говорящего (не противится ей – ...он, право, ребенок в свои 20 лет) пограничного случая, то такая трактовка обеими собеседниками рассматривается как «truth value» – правдоподобная. Из этого наблюдения можно вывести правило – слушающий изначально признает за говорящим право интерпретировать пограничные случаи по своему усмотрению в готовности разделить его трактовку как бы далеко она не выходила за обычные (общепринятые) рамки.

Другим механизмом контекстуального снятия неопределенности является употребление прилагательных в сравнительной степе-

ни. Сравнительные конструкции в языке можно рассматривать как механизм снижения / уменьшения неопределенности (*vagueness reduction*) В. Кваин [17].

Качественные прилагательные, имеющие степени сравнения, в своей начальной форме (в английском языке – *positive form*), обозначают плохо очерченные области:

He is too young to stay at home alone.

He is young enough to marry again.

He is still young enough to take care of his grandsons.

В то же время сравнительные конструкции дают вполне очерченную область, т.е. гораздо более точное указание на то, какого возраста и насколько сильным является X при условии, что известны и возраст и сила X и Y – двух сравниваемых людей. Р. Кифи отмечает, однако, что и сравнительные конструкции могут иметь области неопределенности в таких случаях, когда точно не известны точные даты рождения X и Y, а также в случае, если они выпадают на очень близкие даты, часы [18].

Другой проблемой для сравнительных конструкций являются многомерные прилагательные (*multidimensional adjectives*), такие как *clever* или *qualified*. Их употребление может быть связано с неопределенностью, порождаемой многомерностью значения прилагательного / причастия: *clever* – (X может быть умнее Y в одном аспекте, Y может быть умнее Z в другом, а Z умнее X в третьем) [13, с. 47-51]. Но в целом это последнее замечание не противоречит общему положению о том, что начальной форме прилагательных (*positive form*) присуща большая неопределенность, чем сравнительной форме данного прилагательного. Интерпретацию этого же различия, но в других терминах можно найти также у С. Кенеди, который различает имплицитную (*implicit*) и эксплицитную (*explicit*) неопределенность прилагательных [11, с. 81]. Начальная форма прилагательного имеет нулевую морфему, которая изначально (имплицитно) подразумевает / передает значительное различие по отношению к сравнительной форме этого же прилагательного, передающей различия гораздо меньшего диапазона. Подтверждением данной точки зрения могут служить следующие примеры. Если *Nick is tall in comparison to Lucy*, то это верно лишь при условии, что разница в их росте значительна. Если она составляет только 1см, то мы не можем сказать, что *Nick is tall in comparison to Lucy*.

Г. Кемп рассматривает качественные прилагательные типа «*tall*» как простые предикаты, значение которых непосредственно зависит от контекста – контекст задает так называемую шкалу сравнения или точку предела класса (*cutoff point*), причем делает это с большой

точностью [5]. Он приводит такой пример: Джумбо – маленький слон (Jumbo is a small elephant) – это значит, что Джумбо мал для слона, но вовсе не значит, что Джумбо мал по размеру. Он всегда будет намного больше, чем самая большая мышь. Данный пример позволяет заключить, что в контексте каждое прилагательное интерпретируется по отношению к классу сопоставляемых объектов. Именно поэтому пример Джон – высокий (John is tall) может быть интерпретирован как предложение, являющееся истинным (имеющим truth value) лишь в том случае, если Джон сравнивается с объектами своего класса, который он репрезентирует (Clive, Nick, Marry, Lucy, Richard, etc.).

В заключение остановимся еще на одном моменте. Следует различать неопределенность, заключенную в самом значении слова, и неточность в употреблении слова с точным значением. Так 12 часов обозначает четкий интервал на часах, который можно измерить – это минута между 12.00 и 12.01 (за исключением последнего показателя). Однако в речи мы пренебрегаем такой точностью и можем сказать, что кто-то пришел в 12 часов, хотя на самом деле он пришел в 12.03 или 12.05. Такая же неточность прослеживается и в отношении употребления квантификаторов и детерминативов. Во фразе «All students left» точность будет соблюдена, когда в аудитории не останется ни одного студента. Но этой же фразой преподаватель может выразить свое разочарование, когда вместо 60 студентов он обнаруживает в аудитории только двух или трех. «All» тогда будет примером нечеткого употребления квантификатора, имеющего точное, абсолютное значение – все – значит все до единого. За таким употреблением явно прослеживается прагматическая составляющая высказывания – преподаватель настроен на большую аудиторию и не намерен читать лекцию только для двух-трех студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sorensen, R. *Vagueness and Contradiction*. Oxford University Press, Oxford, 2001. – 268 p.
2. Williamson, T. *Vagueness*. Routledge, 1994. – 344 p.
3. Lakoff, G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2, 1973. – P. 458-508.
4. Fine, K. Vagueness, truth, and logic. *Synthese*, 39. 1975. – P. 265-300.
5. Kamp, H. The paradox of the heap. In Münnich, U. (ed.), *Aspects of Philosophical Logic*, Reidel, 1981. – P. 225-277.
6. Partee, B. Many quantifiers. In *Proceedings of the 5th Eastern States Conference on Linguistics*, Powers, J. and de Jong, K. (eds), Ohio State University, Columbus, 1989. – P. 383-402.

7. Hampton, J. Typicality, graded membership and vagueness. *Cognitive Science*, 31, 2007. – P. 355-383.
8. Soames, S. Vagueness, Partiality and the Sorites Paradox, Oxford University Press, Oxford, 1999. – P. 203-227.
9. Fara, D. Shifting sands: an interest-relative theory of vagueness. *Philosophical Topics*, 28(1), 2000. – P. 45-81. (Originally published under the name Delia Graff.)
10. Shapiro, S. *Vagueness in Context*. Oxford University Press, 2006. – 226 p.
11. Kennedy, C. and McNally, L. Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. *Language*, 81(2), 2005. – P. 345-381.
12. Lewis, D. *On the Plurality of Worlds*. Blackwell, 1986. – 288 p.
13. Van Deemter, K. Not Exactly – In Praise of Vagueness. Oxford University Press, 2010. – 341 p.
14. Russell, B. Vagueness. *Australasian Journal of Philosophy and Psychology*. 1. Reissued in R. Keefe and P. Smith, *Vagueness: a Reader*, MIT Press, 1997. – P. 61-68.
15. Gaifman, H. Vagueness, Tolerance and Contextual Logic. *Synthese* 174:5, 2010. – 46 p.
16. Waismann, F. Verifiability. In Antony Flew, editor, *Logic and language: first and second series*, Anchor Books, Garden City, New Jersey, 1965. – P. 122-151.
17. Quine, W. V. *Quiddities*. The Belknap Press of Harvard University Press, 1987. – 249 p.
18. Keefe, R. *Theories of Vagueness*. Cambridge University Press, 2000. – 233 p.

ДЕРЕВЯНКО В.Г.

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина (Беларусь)

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

Дискурс представляет собой многозначное понятие, которое широко используется в современной гуманитарной науке. В основном, исследования дискурса осуществляются на протяжении XX века. К концу столетия определяются три основных направления рассмотрения дискурса.

К первому направлению относится лингвистическое употребление термина дискурс. Это исследования Э. Харриса, в которых под дискурсом понимается речь, текст, диалог. Ко второму направлению